

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.5.22>

УДК 81'42

ББК 81.055.1

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ВЛАСТИ

Ирина Александровна Якоба

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры иностранных языков № 1 для технических специальностей,
Иркутский национальный исследовательский технический университет
irina_yakoba@mail.ru
ул. Лермонтова, 83, 664074 г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы языка как орудия, объекта и результата действия механизмов власти и проблема борьбы за сознание человека. Охарактеризованы выявленные в отечественной и зарубежной науке разнообразные дискурсивные технологии и обосновано вводимое автором понятие дискурсивной технологии власти. Описаны дискурсивные структуры умной, мягкой и жесткой силы, посредством которых дискурсивная технология власти реализуется. В качестве иллюстрации приводятся примеры из текстов СМИ, сконструированные с применением лингвокогнитивных механизмов спин-докторинга, фокусирования, дефокусирования и др., позволяющие манипулировать смыслом, исказить или скрывать его, подменяя понятия. Показано, что семантическое варьирование способствует изменению оценки и эмоций, «навязывает» определенное отношение к ситуации, смещает фокус модальности восприятия. На основе методологии критического дискурс-анализа деконструирован специально созданный технологичный дискурс власти, который позволяет доминировать над массовым сознанием и управлять им. Сформулирована важная практическая задача, стоящая перед современной лингвистикой, – раскрыть механизмы манипулятивных дискурсивных технологий и ознакомить с ними заинтересованного адресата с целью противодействовать манипулятивному притяжению информационного содержания, сформированного профессионалами, и не подпадать под его влияние.

Ключевые слова: дискурсивная технология, власть дискурса, сила дискурса, лингвокогнитивный механизм, манипуляция, деконструкция.

Востребованность эпистемы власти дискурса современного лингвистического знания подтверждается исследованиями власти в различных дискурсивных аспектах. Одним из первых, кто концептуально соединил понятие власти с понятием дискурса, был М. Фуко. Анализируя вопрос о смещении «власти слова» с социальной властью, он, столкнувшись с *проблемой языка как орудия, объекта и результата действия механизмов власти*, охарактеризовал власть как множественное отношение силы, когда стратегические уста-

новки реализуются посредством разнообразных дискурсов. Они являются тактическими элементами или блоками в поле отношений силы; внутри одной и той же стратегии могут быть самые различные и даже противоречащие друг другу дискурсы; и наоборот, они могут обращаться, не меняя своей формы, между противоположными стратегиями [17, с. 211–212]. Выделяя процедуры, позволяющие контролировать дискурсы, ученый говорит не только об овладении силами, которые они себе присваивают, о предотвращении слу-

чайности их появления, но и об условиях приведения их в действие с целью навязать индивидам, эти дискурсы произносящим, некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому был открыт к ним доступ, то есть в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права.

Борьба за сознание человека становится одной из острейших проблем современности. «Власть связана с контролем, а контроль над дискурсом означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю и, в конце концов, общественному сознанию», считает Т. ван Дейк [3, с. 15–20]. По его мнению, власть означает сегодня обладание не столько аппаратом принуждения, сколько возможностью определять, описывать, объяснять, прогнозировать, конструировать текущую ситуацию в обществе, формулируя критерии объективности, непредвзятости, авторитетности, правдивости и истинности [4], а злоупотребление властью может проявить себя в языке только там, где есть *возможность изменений или выбора* [3].

В современном мультиполярном технологичном мире следует учитывать тот факт, что количество информационных центров увеличивается, информация не только интерпретируется множественно, но и конструируется технологично, то есть интенционально направлена на целевого адресата, учитывает его особенности, потребности, обладает перлокутивным эффектом. Практическая польза современных лингвистических исследований может состоять в деконструкции манипулятивных технологичных дискурсов для определения (раскрытия) истинных интенций адресантов сообщений и публикации таких данных, что является новой областью применения лингвистических знаний.

Как следствие, цель статьи состоит в описании, деконструкции дискурсивных структур и лингвокогнитивных механизмов, составляющих технологию власти. Автор придерживается позиции сторонников критического дискурса-анализа, которая заключается в поддержании равновесия сил между «властьдержащими» и «властьюнеимущими», на основе исследования власти и отношений между властью и дискур-

сом, что связано с привлечением внимания к аспектам лингвистического доминирования и контроля над сознанием массового адресата в условиях глобализации, технологизации, информатизации человечества посредством разработки и деконструкции специальных дискурсивных технологий [25]. Актуальность деконструирования дискурсивной технологии власти обусловлена необходимостью преодолеть семиотическую аттрактивность власти, ее когнитивную силу, направленную на конструирование нужного результата и нейтрализацию параллельных, невыгодных заказчику возможностей развития социального мира.

Термин «конструирование» был введен в когнитивную лингвистику Р. Лэнекером (1987 г.) для обозначения отношения между говорящим / слушающим и ситуацией, которую тот концептуализирует или изображает. Возникновение такого отношения обусловлено вариативностью номинации как свойством языка, предполагающей выбор говорящим определенных языковых знаков с целью создания нужного ему образа.

Дискурсивная технология, вслед за С.Н. Плотниковой, осмысливается нами на основе дискурсивной креативности как инструмент перехода от объективистского подхода к социальному миру и дискурсивному взаимодействию в нем. Дискурсивное взаимодействие рассматривается не как саморазвивающийся процесс, а как процесс, сконструированный технологами для повышения эффективности коммуникации [9, с. 4]. О технологизации дискурса (*technologisation of discourse*) впервые заявил Н. Фэарклоф в 1996 г. [29], исходя из теории М. Фуко, рассматривавшего создание и использование гуманитарных технологий как альянс между социальными науками и структурами власти, как альянс, конституирующий современную «био-власть», которая вводит человеческую жизнь в область эксплицитных расчетов и делает *знание орудием трансформации жизни* [18]. Дискурсивные технологии понимаются как разновидности технологий управления: стратегии и техники, с помощью которых различные силы пытаются реализовать свои проекты и программы; эти технологии определяются как «сети и реле» (*networks and relays*), связывающие стремления и желания властей с

деятельностью индивидов и групп (цит. по: [15, с. 143]). В современном обществе, по замечанию С.Н. Плотниковой, «технологичный дискурс становится экономическим механизмом, поскольку он превращается в средство, позволяющее получать экономическую выгоду от одного только дискурса, без дополнительных капиталовложений, и побеждать конкурентов, не использующих такой дискурс» [8, с. 75].

В научной литературе охарактеризовано большое количество дискурсивных технологий. Так, Н. Фэарклоф [29] выявил *технологии конверсационализации институционального дискурса колонизации институционального дискурса дискурсивными техниками маркетинга и рекламы*.

Вслед за ним С.Н. Плотникова, ее коллеги и аспиранты выявили и описали следующие *технологии ответов президента России на вопросы граждан в прямом эфире, дискурсивного само моделирования особых личностных качеств, конструирования позитивного для себя и негативного по отношению к соперникам дискурса реагирования, внедрения личностных смыслов в новостной дискурс в России, привлечения комического в новостной дискурс, корпоративного сплочивания группы в профессиональном общении, создания дискурса счастья, мониторинга спортивных соревнований* и пр. [15].

Американский социолог Дж. Овертон выявил *технологии легализации неприемлимых обществом идей*, пошаговую схему внедрения аморально недопустимых явлений в обществе. Он описал модель изменения представления проблемы в общественном мнении (англ. the migration from mere ideas to law), известную как «Окно Овертона» [31].

Управление дискурсом при помощи перечисленных технологий, приводящих к желаемому результату быстрее и эффективнее, нашло отражение в *концепции умной настройки дискурса*, которая была представлена автором статьи в предыдущих работах (см. например, [27]). *Дискурсивная технология власти* основана на стремлении к доминированию, управлению сознанием адресатов посредством действия определенных дискурсивных структур – умной, мягкой и жест-

кой сил, регулируемых аксиологическими траекториями.

Умная сила проявляется в способности латентно воздействовать на сознание при помощи смещения смысла слов. Выбор слова дает возможность не только выразить говорящему положительные или отрицательные оценки и эмоции, но и «навязать» слушающему определенное отношение к ситуации. В дискурсе структура, выражающая символически (знаками) умную силу, не напрямую взаимодействует с существующими концептуальными матрицами в коллективном сознании (в том числе стереотипами). Она риторически и аргументативно сложна: следует данным матрицам, включая идеологические, но в направлении достижения эффекта «инсайта» – озарения, «самостоятельного» открытия публичным адресатом «истинной» сущности понимания объекта дискурса. Она как бы продельвает за адресата интеллектуальный аргументативный путь концептуализации и оценивания, но поворачивает его в нужном направлении. Адресат думает, что производит конечные, выводные ментальные операции и действия добровольно.

Действенным средством *мягкой силы* является визуальная и аудиальная привлекательность (аттрактивность) распространяемой (или навязываемой в зависимости от точки зрения) «матрицы убеждений» – схемы восприятия, мысли, чувствования. Взаимосвязь мягкой силы и дискурса проявляется через ее механизм, который заключается в осуществлении воздействия на систему социокультурных фильтров или «матрицу убеждений», составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия. Мягкая сила связана с дискурсом, с трансляцией информационного сообщения с целью подтолкнуть реципиента к его прочтению в определенном ключе и, в конечном итоге, заставить его изменить свое поведение (подробно см.: [28]).

Применение *жесткой силы* в дискурсе связано с переструктурированием дискурсивной траектории неожиданно или быстро, чтобы «встряхнуть» участников коммуникации и изменить направление коммуникации. Жесткая сила интенционально проявляется в максимальной степени воздействия на сознание

дестинатора, рационально и эмоционально однозначно ведет к конечным выводам, аксиологически не оставляет возможностей выбора. В дискурсе она реализуется посредством категорической тональности, структур жесткого аргументирования, прямого негативного оценивания (оскорбления, устрашения), провокации, разных видов агрессии: эксплеивной (бранные инвективы, речевые акты угрозы, экспрессивные волитивы, вердиктивы, категоричные требования и призывы), манипулятивной (диффамация, запрет на речь), имплицитной (ирония, насмешка, косвенная завуалированная издевка над адресатом) и т. д.

Заметим, что символическая власть (и ее подвиды) существовала всегда, но сейчас такие дискурсивные структуры, как мягкая сила и умная сила стали особенно популярны именно в связи с их ненавязчивостью и предоставлением кажущейся большей свободы выбора для всех и каждого в отдельности. Однако мягкая и умная силы являются коммуникативным ресурсом смыслопроизводства, а ненавязчивая привлекательность, которая реализуется посредством дискурса как транслятора и имиджа как персонифицированного образца для подражания, может использоваться в качестве способа эффективного коммуникативного воздействия, внушающего заданный образ мысли и поведения. Мягкая и умная силы, будучи результатом коллективного сотворения, могут существовать только в обществе, их главными целями являются обеспечение властвования и ненавязчивого влияния на сознание, распространение определенных идей, ценностей, культуры и образа жизни с опорой на привлекательность новизны, соблазнов, обольщения и удовлетворения потребности в самоутверждении. Следовательно, востребованность символической власти в современном информационном технологичном обществе проявляется в возможности эффективно конструировать необходимую символическую реальность согласно запланированному сценарию.

Конструирование технологичного дискурса, с помощью которого становится возможным достижение поставленных целей в кратчайшие сроки, – актуальное направление теории социального конструктивизма. Язык в ней представляется *«инструментом соци-*

альной власти», а «сила» соотносит дискурс с конструированием социального [1, с. 90], формирует через задаваемую рамку мировидение, картину мира, объясняет определенным образом видение мира, задает нормы и образцы действия и отношения к миру и Другим в этом мире. Символическая реальность, создаваемая и конструируемая по заказу, задействует дискурсивные силовые технологии и опирается на них, так как в современном постмодернистском обществе *сила слова и сила знака* приобретают все большую власть над умами и способны оказывать воздействие «как бы изнутри», позволяя встраиваемым идеям «прорастать» на подготовленной идеологической почве навязываемых СМИ образов медиа-фактов и медиа-событий, которые субъективно отражают (а точнее – искажают), но не воссоздают реальность.

Концепция *«познающей силы»* как способности, которая не является целиком пассивной и «именуется умом, когда она то создает в фантазии новые идеи, то имеет дело с уже созданными», которая действует таким образом, что не поддается полному контролю со стороны органов чувств, воображения или памяти, изложена Р. Декартом (цит по: [19, с. 152–153]). Однако идея о том, что «познавательную силу» можно назвать «умом», только тогда, когда она имеет в некотором смысле творческий характер, возникла еще до Декарта. Одним из ее источников является книга Хуана Уарте «Исследование способностей к наукам» (1575), в которой утверждается, что «в человеке имеются две порождающие способности, одна общая с неразумными животными и растениями, другая же, присутствующая также духовным субстанциям, Богу и ангелам» (цит по: [19, с. 152–153]). Дж. Картерс, размышляя о динамике соотношения слов и власти, утверждал: «Очевидно, что слово – помысленное или написанное – в значительной степени *сохраняло* для греков немалую *власть над “реальным” миром*. Хотя впоследствии слово перестали рассматривать как самостоятельное действие, оно считается источником и началом не только всякого действия, но и всякого открытия: оно стало единственным ключом к знанию, и только мысль – посредством слов или цифр – способна отомкнуть все двери к познанию мира.

В определенном смысле *сила слов* и других визуальных символов действительно возросла как никогда прежде» (цит. по [7, с. 313]). Язык – это настоящий властитель: по словам Р. Якобсона, «язык интересен не тем, что он позволяет нам излагать какие-то мысли, а тем, что *заставляет нас думать* так или иначе», а Р. Барт олицетворял язык с настоящим фашистом, который «*диктует нам наши мысли, наше поведение, наши ценности*» (цит. по: [14]).

В настоящее время прослеживается трансформация концепта власти. Если согласно классической точке зрения власть определялась в терминах контроля над материальными средствами производства, то сейчас ядро концепта власти изменилось: она понимается как *управление сознанием масс*. Используя в качестве основания знание, а не авторитет и насилие, власть проникает во все сферы общества. Она становится более изощренной в методах осуществления себя, изменяя представления человека о мире и тем самым манипулируя им. Потенциал власти дискурса раскрывается в борьбе за номинацию, то есть в возможность смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата, управлению его сознанием и достижению часто корыстных целей [26]. В подобных условиях эффективность осуществления власти зависит от степени осведомленности индивидов и их критического оценивания действительности, подвергающихся воздействию власти. Используя язык, власть нередко стремится действовать скрытно, незаметно. Чтобы не подвергнуться ее воздействию в условиях всеобщности языка, необходимо осознать, как функционируют механизмы, лежащие в ее основании, и научиться противостоять ей [25]. В данном контексте изучение свойств языка, дающих власти возможность реализовывать себя с его помощью, представляется, по мнению С.Ю. Болдина, актуальной темой исследования [2, с. 5].

Власть дискурса, как считает В.Е. Чернявская, проявляет себя в том, что он охватывает все возможности для создания определенных высказываний или осуществления определенных действий и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний [22]. Эти идеи дают ос-

нование высказать следующее суждение: в научном сообществе, точнее, в границах одной дискурсивной формации в тот или иной период исторического развития могут появляться черты частичной закрытости – невнимание к конкурирующим, альтернативным и вообще другим идеям. В этом случае «властные механизмы» дискурса проявляют себя как механизмы исключения («это не релевантно»), установления границ научной значимости, целесообразности, важности и даже запретов. Например, действие таких механизмов прослеживается в тоталитарных советских дискурсах в разных научных областях: их суггестивное влияние порождало некритическое восприятие фактов, результатов исследований, восприятие «на веру». Однако гораздо более показательна в этой связи судьба «несвоевременных» открытий, то есть открытий, оставшихся малоизвестными современникам, в области естественных, точных наук, где идеологические мотивы неприятия объективно сводятся к минимуму (см. подробнее исследования В.Е. Чернявской: [22; 23]).

На *властном эффекте дискурса* акцентируют свое внимание исследователи критического дискурс-анализа. Они изучают те средства, которые власть использует для упорядочивания и регулирования информационного пространства. Основной областью их интереса является исследование изменений дискурса, которые происходят благодаря интертекстуальности – механизму, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Комбинация элементов различных дискурсов ведет к изменению определенного дискурса и, следовательно, к изменению социокультурного мира [16, с. 26–27]. Как один из способов властвования, регуляции отношений субординации социальных факторов рассматривает дискурс Н. Фэрклоф, разработчик «критического дискурс-анализа». «Язык есть также *средство доминирования и социальной силы*, он служит для законодательного закрепления отношений организованной власти: насколько законодательно закрепленные (легитимные) отношения власти не выражены, настолько язык идеологизирован», – считает Ю. Хабермас [30, S. 259].

Согласно точке зрения Г. Лассвелла, *слова и власть тесно связаны между собой*,

поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение) [6]. Рассуждая о том, что «власть – это принятие решений. Язык политики – это язык решений. Следовательно, язык политики – это язык власти» [6], полагая, что с помощью власти можно понять взаимоотношения между людьми, которые, в случае необходимости, делают свой выбор по принуждению, он сформулировал проблему следующим образом: при каком условии слова оказывают влияние на действия власти? Основным законом власти, по Лассвеллу, состоит в том, что когда люди хотят достичь власти, они действуют в соответствии со своими представлениями о том, как добиться наибольшей власти, поэтому используемые ими символы (слова и образы) оказывают влияние на власть, поскольку воздействуют на представления о власти. Для того чтобы проверить или применить на практике данные утверждения, необходимо владеть определенной информацией о каждой конкретной аудитории: какие символы, обозначающие власть и указывающие на изменения в иерархии власти, воспринимаются данной публикой? какое средство массовой информации способно довести сообщение до их сознания и какое отношение к данному каналу информации идеально подходит для восприятия цитируемых в нем символов? какой стиль изложения оказывает влияние на позицию, занимаемую по отношению к содержанию транслируемой информации? [6].

Изучение процессов ограничения и распространения власти дискурса требует обращения к теории языка и к языку как фактору, определяющему состояние власти и фиксирующему различные политические тенденции. Прогресс не стоит на месте, и дискурс власти главным образом взаимодействует с людьми при помощи информационных технологий. Здесь и определяются главные взаимосвязи дискурса власти и власти дискурса. Власть имеет свой дискурс, а этот дискурс имеет власть над субъектом, к которому он обращается, так как мнение формируется из того, какое сообщение получает в конечном итоге адресат. Формы непрямого коммуникации несут двоякий смысл и могут ввести в заблуждение. Властвование посредством разного

рода дискурсов трактуется как способ эффективного коммуникативного воздействия, который внушает субъектам определенный образ мыслей и поведения.

Главная сила дискурса – в производстве способов означивания, интерпретаций объектов действительности, в принуждении к определенным схемам мысли и чувствованиям. Эта идея подтверждается в работах О.Ф. Русаковой, показавшей, как дискурсы формируют матрицы мыслительных фигур и знаковых образов, выстраивают приоритеты смысловых значений, словом, управляют ментальным и символическим пространством культуры [13]. Очевидно, что язык реализует не только функции выражения и передачи мысли, но и функции их искажения и сокрытия. В реальной жизни представители многих профессий (политики, журналисты, коммерсанты и т. д.) строят высказывания, «камуфлируют» истинный смысл слов.

Поскольку информация заложена, в частности, в лексическом значении слова, то выбор слова воздействует на взаимодействие участников, использующих язык. Лингвисты доказали, что в лексической системе языка отражаются не только реалии нашего времени, но и особенности нашего сознания. Вербальная рефлексия, как утверждает В.И. Шаховский, позволяет закреплять в знаках все смысловые преобразования и актуальные новшества современной жизни человека, а лексический фонд преобразуется в результате *переосмысления фактов реальности, их оценочной асимметрии, эмоциональной переработки, семантического растягивания*, спиралевидного возврата векторов развития языка, его творческого обогащения [24, с. 17].

Интерпретация информации может носить двоякий и даже множественный характер. Эта ее особенность используется при разработке ряда медийных технологий. Так, А.А. Романов и его коллеги исследуют «гибкие PR-технологии», или *технологии «спин-докторинга»*, применяемые для работы с общественным сознанием не только для того, чтобы «фиксировать» результаты совершившихся событий (речи, интервью, дебаты участников публичных акций и т. п.), но и для того, чтобы в плане информационного воздействия эффективно управлять ожиданиями совершения самого события, которое готовится к ре-

ализации или может произойти в будущем [10]. В ходе исследования ученые подтвердили, что фактуальная действительность может быть описана и интерпретирована средствами языка вариативно: одно и то же событие (предмет, явление окружающего мира, факт) номинируется словом или словосочетанием, которое, в зависимости от установки говорящего и его «поворота информации в нужном направлении», способно вызывать либо положительную, либо негативную ассоциацию и оценку. Следовательно, при помощи тщательно подобранных языковых единиц у адресата может быть изменен оценочный «знак восприятия» того или иного факта (события, явления) на противоположный, с «плюса» на «минус» и наоборот. Например, технология спин-докторинга использована в «горячих» новостных сообщениях о сбитом в Донецкой области малазийском гражданском самолете (2015 г.).

А.А. Романов предлагает различать, оценивать и интерпретировать подаваемую информацию на уровне параметров «истина» – «ложь», а также выделять в этих процессах специально создаваемый «шум» информационных атак с использованием различных манипулятивных технологий или «языковых игр», кроме «спин-докторинга» это «семантическое варьирование / семантическое манипулирование», «красивые слова», «семантическая диффамация», «сценарный / матричный подход», «нарратология» и «нейробиология нарративов» и др. [10–12].

Анализу универсальной стратегии распределения внимания в процессе речевой деятельности, которая реализуется двумя взаимосвязанными механизмами перспективизации информации в тексте – фокусированием и дефокусированием, посвящена монография О.К. Ирисхановой «Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования», в которой подробно анализируются семантические, синтаксические и прагматические приемы дефокусирования, отражающие креативные способности языковой личности в речевой практике [5]. Выделяются когнитивно-дискурсивные стратегии перемещения (переходы между первичным, вторичным фокусом и фоном в высказывании), подавления нормативного фокуса с помощью полного или частичного референци-

ального сдвига в пропозиции высказывания [5]. Ярким примером реализации таких стратегий являются хеджи (неопределенные, уклончивые выражения, средства уменьшения, создания эффекта диффузности границ категории). Употребляясь рядом с оценочными словами, реализуя принцип дистанцирования (как и самодискредитирующие конструкции), они служат средством дефокусирования, так как частично смещают на себя внимание слушающего: *Я, конечно, не эксперт в этой области...; Я обычный человек и не разбираюсь в...; I am not prejudiced, but...; If I agree...* С помощью хеджей возможно ослаблять или смещать фокус фрагмента, указывать на реализацию отношений власти и подчинения в обществе: *Простите, я просто подумал, не могли бы Вы...; If it is possible, could you ...; It is not my own decision; If something is obligatory, you must do it because of a rule or a law.*

В работах Т.В. Чернышовой на основе изучения эмоционально-экспрессивного воздействия медиа-дискурса, когда вектор авторского описания смещается с самого факта-события на малосущественные детали, его сопровождающие, обоснована необходимость выделять категорию псевдосоциальной деструктивной оценочности [20]. Потенциальная конфликтность медиатекстов, по мнению Т.В. Чернышовой, во многом обусловлена таким их стилиобразующим признаком, как оценочность – свойство, благодаря которому отображаемая действительность (факт, событие, субъект) квалифицируется относительно определенного стандарта по признаку «хорошо / плохо», а одна из причин порождения ситуации речевого конфликта на базе оценочного суждения состоит в том, что оценочность в обыденном сознании тесно связана с критическим осмыслением действительности, а критическое высказывание, даже если оно справедливое, часто приводит к возникновению и развитию речевого конфликта [21]. В качестве примеров псевдосоциальной деструктивной оценочности ученый перечисляет речевые структуры, вводящие в текст слухи, сплетни и прочие неавторизованные источники: *достоверные источники утверждают; история (была) рассказана нам ...; как стало известно; как поговаривают слухмейке-*

ры; по имеющейся информации; по некоторым данным; всплыли слухи; злые языки поговаривали; по слухам и т. п. Такие оценочные конструкции дают автору медиатекста возможность свободно «фантазировать» на предложенную тему без всяких ограничений, снимая с него ответственность за достоверность данных. Часто средством псевдосоциальной деструктивной оценочности, введением в заблуждение служит стратегия «на понижение» – целенаправленное снижение образа субъекта или дискредитации.

Мышление человека подвержено влиянию и оценке других субъектов. В политических лозунгах часто используются личные и притяжательные местоимения для определения принадлежности адресата к той или иной партии. Слоганы могут быть обращены как к толпе, так и к конкретному индивиду, в зависимости от того, что требуется для адресанта. Например, для сбора наибольшего количества голосов для какой-либо партии используют призыв к множеству субъектов: «*Вместе – мы сила!*», «*Наш кандидат – лучше всех!*». Часто в политическом дискурсе для достижения определенного результата осуществляется воздействие на каждого субъекта по отдельности посредством призыва к его морали: «*А ты записался добровольцем?*», «*А что сделал ты для будущего страны?*» и т. д. Частотен прием оппозиции «наши, свои – не наши, чужие». Для этого используется образ врага. В период холодной войны для СССР образом врага была Америка (США), и соответственно, наоборот. Сегодня используются различные вариации для определения «свой – чужой». Террористические группировки вполне подходят для негативного образа: несут угрозу мирному существованию, взрывают, стреляют, уничтожают, убивают и т. д. Различие «свой – чужой» может происходить на социальном уровне (по возрасту, гендеру, социальному положению, расовой принадлежности и пр.). Часто образ врага создается искусственным путем: «*вместе мы можем противостоять угрозе, защитит свои дома*» и др., для этого используется стратегия преувеличения опасности посредством смещения фокуса дискурса, симуляции действительности (подмены реального желаемым), например, говорится о необходимости

«*вести свои войска в страну, откуда исходит опасность*». Общий враг, как и общая цель, объединяет людей и настраивает их на определенное мышление.

Проанализировав некоторые современные резонансные события, можно идентифицировать примеры трансформации лексического значения слова в медийном дискурсе. Так, В.И. Шаховский отмечает, что в журналистском дискурсе часто происходит подмена понятий: *оптимизация* вместо *сокращение штата*, *зарплаты* и т. п.; *государство* вместо *правительство*, *власть*; *дорожная карта* вместо *программа*, *проект*, *план* и т. п. [24, с. 16]. В США, Европе вместо слова *topopoly*, вызывающего в массовом сознании отрицательные ассоциации (ср. активные выступления антиглобалистов во всем мире) употребляются слова с позитивной окраской, например *bigness* («большой бизнес»), а в российской прессе вместо слова *капитализм* встречаются словосочетания *индустриальное общество*, *социальное рыночное хозяйство*, *капиталист* заменяется на *работодатель*, *предприниматель*. По-разному номинируются политические и экономические изменения на Украине (2014–2015 гг.): их называют *интеграцией с Европой* и *переворотом власти*, тех, кого в Украине называют *Национальной гвардией*, «*Правым сектором*», в России называют *украинскими силовиками и карателями*.

Иллюстративен и материал по номинированию всевозможных политических потрясений: от «цветных революций» (*революция роз*, *оранжевая*, *фиалковая* и *тюльпановая* революции), череды *арабских весен*, *каирской Тахрир* и украинского *майдана* до военных операций («*Буря в пустыне*»). Для манипуляции сознанием используются эвфемизмы, которые отличаются эмоциональными, оценочными, стилистическими компонентами: *демократическое вмешательство развитых стран*, *умиротворение*, *защитная реакция* (вместо *бомбардировки*), *хирургические удары* (вместо *особо точные бомбардировки*), *оптимизация доходов* (вместо *налоги*), *наведение конституционного порядка* (вместо *обстрелы*), *военный объект* (вместо *разбомбленный дом*), *толерантность* (вместо *распущенность нра-*

вов, законодательная поддержка извращений) и т. д.

Поскольку эпистема власть дискурса имеет метафорический характер, то ее сущность раскрывается в том, что дискурс обладает особой силой как властью, способен воздействовать, оказывать влияние на сознание и управлять поведением не критически мыслящих людей. Дискурс как язык плюс мышление, плюс сознание, воображение, память, картина мира (в том числе ценностная картина мира), горизонты ожидания коммуникантов, их интенциональные состояния, дискурс как дискурсивная формация в виде сообщения или связной совокупности сообщений, объективируемых в виде текста письменного или устного *создает, конструирует* (посредством номинации, пропозиций, операций высказывания) определенную точку зрения, видение, рамку видения мира, которая воспринимается интерпретатором именно так, как дискурс (язык) ее задает, а не иначе. Из этого следует: 1) власть (сила) дискурса заключается во влиянии *сильной позиции говорящего*, которого слушающий (интерпретатор) во времени вынужден воспринимать, предрасположен воспринимать, что влечет за собой «*канализованное*» определенным образом осмысление (*интериоризацию смысла*) и его оценивание; 2) метафора «власть / сила» соотносится с концептуальной областью *энергии, точнее, синергии, аттрактивности, степени эффективности воздействия и управления процессами интериоризации смысла*. Как следствие, власть дискурса как такового дает основание вариативно и градуированно оценивать «силу» и тип силы отдельных дискурсивных формаций (мягкая, жесткая и умная).

Таким образом, дискурсивная технология власти может не только воздействовать на сознание воспринимающего информацию адресата, но и управлять его поведением при помощи внедрения специальных оценок, приоритетов, эмоций. Приведенные примеры из медийного дискурса, сконструированные лингвокогнитивными механизмами спин-докторинга, фокусирования, дефокусирования, псевдосоциальной оценочности, введения в заблуждение и пр., позволяющими манипулировать смыслом, исказить или скрывать его,

подменяя понятия, доказывают, что семантическое варьирование способствует изменению оценки и эмоций, «навязывает» определенное отношение к ситуации, смещает фокус модальности восприятия. Критически мыслящие индивиды, осознавая такие технологии, воздействующие на сознание через дискурс, убеждаются в необходимости их публичного научного деконструирования.

В связи с этим на первый план выдвигается практическая задача раскрытия и описания манипулятивных дискурсивных технологий с целью ознакомить заинтересованного адресата с ними, чтобы противодействовать влиянию манипулятивного притяжения информационного содержания, сформированного профессионалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88–125.
2. Болдин, С. Ю. Взаимосвязь языка и власти в контексте современной философии культуры : дис. ... канд. филос. наук / Болдин Сергей Юрьевич. – Волгоград, 2011. – 137 с.
3. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. ван Дейк. – Изд. стереотипн. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.
4. Дейк, Т. А. ван. Дискурс и доминирование / Т. А. ван Дейк // Современный дискурс-анализ. – 2009. – Вып. 1, т. 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://discourseanalysis.org/ada1_1.shtml (дата обращения: 09.10.2014). – Загл. с экрана.
5. Ирисханова, О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с. – (Studia philologica)
6. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 264–279. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm> (дата обращения: 09.10.2014). – Загл. с экрана.
7. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Академический проект : Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
8. Плотникова, С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира

/ С. Н. Плотникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2015. – № 3 (714). – С. 72–83.

9. Плотникова, С. Н. Технологизация дискурса: процесс и результат / С. Н. Плотникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 4. – С. 138–146.

10. Романов, А. А. Матричная технология в манипулятивной интернет-коммуникации / А. А. Романов, Е. В. Малышева, О. В. Новоселова // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.): Сб. науч. работ. – Белгород: Константа, 2014. – С. 126–131.

11. Романов, А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход / А. А. Романов. – М.; Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2002. – 191 с.

12. Романов, А. А. Фреймовая матрица спиндокторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций / А. А. Романов, О. Н. Морозова, Л. А. Романова // Мир лингвистики и коммуникации. – 2015. – Т. 1, № 39. – С. 1–31. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – Загл. с экрана.

13. Русакова, О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии / О. Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – Вып. 10. – С. 173–192.

14. Сабуров, Е. Ф. Власть языка / Е. Ф. Сабуров // Со-Общение. – 2004. – № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://soob.ru/n/2004/1/concept/1> (дата обращения 11.08.15). – Загл. с экрана.

15. Технологизация дискурса в современном обществе: коллективная монография / под ред. С. Н. Плотниковой. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 320 с.

16. Филлипс, Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.

17. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

18. Фуко, М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 уч. г. / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2004. – 432 с.

19. Хомский, Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли / Н. Хомский. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с. (История лингвофилософской мысли.)

20. Чернышова, Т. В. Введение в заблуждение: прием создания выразительности или уловка? (на материале конфликтных и потенциально конфликтных медиатекстов) / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика. – 2012. – № 1 (12). – С. 94–105.

21. Чернышова, Т. В. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных

фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства) / Т. В. Чернышова // Филология и человек. – 2011. – № 4. – С. 70–80.

22. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М.: Наука, 2006. – 134 с.

23. Чернявская, В. Е. Научное познание – «власть дискурса» (Лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий) / В. Е. Чернявская // *Studia Linguistica*. Вып. 12. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – С. 336–345.

24. Шаховский, В. И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи / В. И. Шаховский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2015. – № 1. – С. 7–20. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.1>.

25. Якоба, И. А. Власть дискурса как категория воздействия и управления / И. А. Якоба, С. М. Бадлуев // Язык, культура, наука и техника страны изучаемого языка: материалы Всероссийской науч.-практ. студен. конф., посвященной 85-летию ИРНИТУ (Иркутск, 25 мая 2015 г.). – Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2015. – С. 21–29.

26. Якоба, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якоба // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 3 (35). – С. 122–134.

27. Якоба, И. А. Модель управления медийным дискурсом – технология умной настройки / И. А. Якоба // Проблемы устойчивого развития гуманитарных и естественных наук: аспирантские чтения 2015 (Иркутск, 14–15 мая 2015 г.): сб. науч. ст. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – С. 284–297.

28. Якоба, И. А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии / И. А. Якоба // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 65–73.

29. Fairclough, N. *Technologisation of discourse* / N. Fairclough // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis* / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – N. Y.: Routledge, 1996. – P. 143–159.

30. Habermas, J. *Erkenntnis und Interesse* / J. Habermas. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1968. – S. 367–417.

31. Lehman, J. G. *An Introduction to the Overton Window of Political Possibility*, 2010. – Electronic data. – Mode of access: <https://www.mackinac.org/12481> (mode of access: 02.09.2015). – Title from screen.

REFERENCES

1. Blakar R.M. *Yazyk kak instrument social'noy vlasti (teoretiko-jempiricheskie issledovaniya yazyka i ego ispol'zovaniya v social'nom kontekste)*

[Language as a means of social power]. *Yazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodeystviya* [Language as a tool of social power]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 88-125.

2. Boldin S.Yu. *Vzaimosvyaz' yazyka i vlasti v kontekste sovremennoy filosofii kul'tury: dis. ... kand. filos. nauk* [The relationship between language and power in the context of contemporary philosophy of culture. Cand. philos. sci. diss.]. Volgograd, 2011. 137 p.

3. Dijk T. *Diskurs i vlast': Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. Moscow, Librokom Publ., 2013. 344 p.

4. Dijk T. Diskurs i dominirovanie [Discourse and Domination]. *Sovremennyyi diskurs-analiz* [Modern discourse analysis], 2009, vol. 1, iss. 1. Available at: http://discourseanalysis.org/ada1_1.shtml.

5. Irishanova O.K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in a language. Semantics Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 320 p. (Studia philologica)

6. Lasswell G. Yazyk vlasti [Language of power]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], 2006, vol. 20, pp. 264-279. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/lasswell-06.htm>.

7. Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [Gutenberg's Galaxy. Typing human development]. Moscow, Akademicheskii proekt, Fond «Mir» Publ., 2005. 496 p.

8. Plotnikova S.N. Diskursivnye tehnologii i ih rol' v konstruirovaniy social'nogo mira [Discourse technologies and their role in the construction of the social world]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2015, no. 3 (714), pp. 72-83.

9. Plotnikova S.N. Tehnologizatsiya diskursa: protsess i rezul'tat [Technologization of discourse: process and result]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Irkutsk State Linguistic University], 2008, no. 4, pp. 138-146.

10. Romanov A.A., Malysheva E.V., Novoselova O.V. Matrichnaya tehnologiya v manipulyativnoy internet-kommunikatsii [Matrix technology in manipulative Internet communication]. *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, social'noy praktiki i obrazovaniya. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Sb. nauch. rabot* [Modern mass media discourse via perspectives of theory, social practice, and education. The 1st International scientific and practical conference. Collection of works]. Belgorod, Konstanta Publ., 2014, pp. 126-131.

11. Romanov A.A. *Politicheskaya lingvistika: Funktsional'nyi podhod* [Political linguistics.

Functional approach]. Moscow, Tver', IYA RAN, TvGU Publ., 2002. 191 p.

12. Romanov A.A., Morozova O.N., Romanova L.A. Freymovaya matritsa spin-doktoringovogo konstruirovaniya smyslov v sisteme publicnykh kommunikatsiy [Framing matrix of spin-doctoring construction of meanings in the public communications]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of Linguistics and Communication], 2015, vol. 1, no. 39, pp. 1-31. Available at: <http://tverlingua.ru>

13. Rusakova O.F. Kontsept «myagkoy sily» (soft power) v sovremennoy politicheskoy filosofii [The concept of “soft power” in contemporary political philosophy]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*, 2010, vol. 10, pp. 173-192.

14. Saburov E.F. Vlast' yazyka [Language power]. *So-Obshchenie*, 2004, no. 1. Available at: <http://soob.ru/n/2004/1/concept/1>.

15. *Tehnologizatsiya diskursa v sovremennom obshchestve: kollektivnaya monografiya* [Technologization of discourse in the modern society]. Ed. by S. N. Plotnikova. Irkutsk, IGLU Publ., 2011. 320 p.

16. Fillips L., Jorgensen M.V. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method]. Har'kov, Gumanitarnyi Centr Publ., 2004. 336 p.

17. Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [Will for truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p.

18. Fuko M. *Nenormal'nye: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1974–1975 uch. g.* [Abnormal: The course of lectures at the Collège de France in 1974–1975 account. y]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 432 p.

19. Homskiy N. *Kartezianskaya lingvistika. Glava iz istorii ratsionalisticheskoy mysli* [Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought]. Moscow, KomKniga, 2005. 232 p. (Istoriya lingvofilosofskoy mysli.)

20. Chernyshova T.V. Vvedenie v zabluzhdenie: priem sozdaniya vyrazitel'nosti ili ulovka? (na materiale konfliktnykh i potencial'no konfliktnykh mediatekstov) [Misleading: method of creating expressiveness or trick? (based on the conflict or potential conflict media texts)]. *Jurilingvistika*, 2012, no. 1 (12), pp. 94-105.

21. Chernyshova T.V. Verbal'nye markery neiskrennosti v dialoge (po materialam spornykh fonogramm, popavshih v sferu sudebnogo razbiratel'stva) [Verbal markers of insincerity in the conversation (based on spoken texts that fall within the scope of the trial)]. *Filologiya i chelovek*, 2011, no. 4, pp. 70-80.

22. Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeystviya* [The discourse of power and the power of discourse. Issues of speech influence]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 134 p.

23. Chernyavskaya V.E. *Nauchnoe poznanie – "vlast' diskursa" (Lingvisticheskoe osmyslenie prezhdrevremennykh nauchnykh otkrytiy)* [Scientific knowledge : the power of discourse (Linguistic consideration of untimely made scientific discoveries)]. *Studia Linguistica*. Vol. 12. St. Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2004, pp. 336-345.

24. Shahovskiy V.I. *Menyayushchayasya kartina mira v dinamike yazyka i rechi* [Alterations in the worldview and the dynamics of Language and Speech Practice]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of VolSU. Linguistics], 2015, no. 1, pp. 7-20. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.1.1>.

25. Yakoba I.A., Badluev S.M. *Vlast' diskursa kak kategoriya vozdeystviya i upravleniya* [Discourse power as a category of pressure and control]. *Yazyk, kul'tura, nauka i tehnika strany izuchaemogo yazyka: mat-ly Vserossiyskoy nauch.-prakt. studen. konf., posvyashhennoy 85-letiyu IRNITU (Irkutsk, 25 maya 2015)* [Language, culture, science, and technology of the country : materials of All-Russian scientific and practical students' conference devoted to the 85th year celebration of IRNITU]. Irkutsk, Izd-vo IRNITU, 2015, pp. 21-29.

26. Yakoba I.A. *Vlast' diskursa mediynogo prostranstva v bor'be za nominatsiyu* [Discourse power of media space: struggle for nomination]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal. Philology], 2015, no. 3 (35), pp. 122-134.

27. Yakoba I.A. *Model' upravleniya mediynym diskursom – tehnologiya umnoy nastroyki* [Media discourse control model – the technology of smart tuning]. *Problemy ustoychivogo razvitiya gumanitarnykh i estestvennykh nauk: aspirantskie chteniya 2015 (Irkutsk, 14-15 maya 2015 g.): sbornik nauchnykh statey* [Issues of sustainable development of humanitarian and natural sciences : aspirants' reports 2015]. Irkutsk, MGLUEALI, 2015, pp. 284-297.

28. Yakoba I.A. *"Myagkaya sila" v sovremennoy politike i diskursivnoy tehnologii* [Soft power" in contemporary politics and discursive technology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 12, pp. 65-73.

29. Fairclough N. *Technologisation of discourse. Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Ed. by C.R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. N.Y., Routledge, 1996, pp. 143-159.

30. Habermas J. *Erkenntnis und Interesse* [Understanding and Interest]. Frankfurt/Main, Suhrkamp, 1968, pp. 367-417.

31. Lehman J.G. *An Introduction to the Overton Window of Political Possibility, 2010*. Available at: <https://www.mackinac.org/12481>.

DECONSTRUCTION OF DISCOURSE TECHNOLOGY OF POWER

Irina Aleksandrovna Yakoba

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Foreign Languages Department No. 1 for Technical Specialities,
Irkutsk National Research Technical University
irina_yakoba@mail.ru
Lermontova St., 83, 664074 Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article considers a vital issue of struggling for human consciousness via language being a tool, subject, and result of power implementation mechanisms. Different discourse technologies, revealed by Russian and foreign linguists, are characterized. The author introduces and gives proof to a phenomenon 'discourse technology of power'. Discourse structures of smart, soft and hard powers, which are the base of discourse technology of power, are described. Examples of such technologies from mass media texts, constructed with the help of lingua-cognitive mechanisms of spin-doctoring, focusing, defocusing etc., are given. They allow to manipulate the content, misinterpret, distort or hide it, replacing concepts. It is proved that any semantic variation contributes to a change in evaluation and emotions, "imposes" a certain attitude to the situation, shifts the focus of modalities in perception. With the help of critical discourse analysis methods, specially designed technological discourse of power, domination and

control are identified and deconstructed as the dominative means of a mass consciousness control. An important practical task facing modern linguistics is framed. It is to uncover the mechanisms of discourse manipulative technologies and share them with a concerned addressee to resist the attraction of manipulative content generated by professionals and do not fall under its influence.

Key words: discourse technology, discourse power, power of discourse, lingua-cognitive mechanism, manipulation, deconstruction.